

Н.С. Кирмель

ПРОТИВОБОРСТВО РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ И ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ В СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЕ. 1906 - 1913 гг.

Борьба российских и японских спецслужб в годы войны 1904 – 1905 гг. основательно изучена отечественной историографией. Однако до сих пор остается малоисследованным вопрос противостояния секретных служб двух стран после окончания боевых действий в Маньчжурии. Данная статья является попыткой исследовать это "белое пятно" истории Сибири.

После окончания русско-японской войны ряд развитых капиталистических стран стали интенсивно изучать внутривнутриполитическую ситуацию, экономику, состояние армии и флота, транспорт России не только открытым, дипломатическим путем, но и с помощью агентурной разведки. По свидетельству документов Департамента полиции (ДП), наибольшую активность в Сибири проявляли японцы. "Вслед за прекращением военных действий на Дальнем Востоке стал замечать наплыв японцев в виде врачей, фотографов, прачешников в главных городах Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств, - сообщает в апреле 1908 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления директору ДП. - По имеющимся данным, многие из японцев только прикрываются указанными профессиями, в действительности же занимаются систематической военной разведкой".¹ "Проживавшие в Харбине, Чите, Иркутске японские прачки и парикмахеры открыли за счет своего правительства много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности, - говорится в другом документе. - К примеру, владелец магазина в Иркутске Сирози зарегистрирован как шпион".² Эти профессии японской спецслужбой были выбраны не случайно. И, прежде всего потому, что они давали возможность входить в контакт с русскими гражданами, в том числе и военнотрудовыми, и получать от них интересующую информацию. Делая вид, что не знают русского языка, японские агенты подслушивали беседы русских офицеров, в которых порой звучали сведения секретного характера.

Японская разведка в первую очередь проявляла интерес к Амурской, Сибирской и Китайско-Восточной железным дорогам и построенным там сооружениям: мостам, тоннелям, складам и т. д. Объектом

Кирмель Николай Сергеевич - начальник отдела боевой подготовки редакции газеты СибВО "На боевом посту", кандидат исторических наук.

внимания агентов спецслужбы Страны восходящего солнца - японцев, корейцев и китайцев - было развитие водных сообщений, состояние и расположение вооруженных сил, условия их мобилизации и продвижения на Дальний Восток, а также комплектования и снабжения, деятельность органов военного и гражданского управления.³ При сборе интересующих сведений японская разведка проявляла определенную активность, которая объясняется стремлением правящих кругов страны к колонизации русского Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Несмотря на то, что в 1906 - 1908 гг. исследуемый регион кишел иностранными шпионами, в Приамурском генерал-губернаторстве было лишь несколько фактов случайного обнаружения и привлечения к судебной ответственности японских военных разведчиков. Это объясняется нескоординированными действиями российских спецслужб. Разведывательные отделения штабов Иркутского, Омского и Приамурского военных округов, крайне заинтересованные в сохранении секретов, не имели своей внутренней агентуры и поэтому были вынуждены обращаться за содействием в борьбе со шпионажем к губернаторам, а за установлением надзора за всеми китайцами, японцами и другими иностранцами, подозрительными лицами - к начальникам губернских жандармских управлений (ГЖУ).⁴ Однако жандармерия и охранка не всегда эффективно выполняли требования военных относительно наблюдения за подозрительными иностранцами. Это было связано с малонаселенностью Сибири и недостаточным количеством полицейских чинов и агентов, свободных от исполнения прямых обязанностей. Кроме того, в 1905 - 1907 гг. в регионе во всю бушевала первая российская революция, и поэтому основное внимание Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции было приковано к политическим партиям, рабочему движению, крестьянским восстаниям. Непокойно было в регионе и после ее подавления, что требовало от силовых структур отвлечения немалых сил и средств. А поскольку борьба со шпионажем для ГЖУ, жандармских полицейских управлений (ЖПУ) и охранки являлась второстепенной обязанностью, дело зачастую ограничивалось наблюдением, да и то не очень бдительным.

Причина пассивности как начальства, так и рядовых исполнителей кроется еще и в финансовой проблеме. Так, по установленным правилам все расходы Департамента полиции, связанные с борьбой с иностранными спецслужбами, оплачивало Военное министерство. А поскольку ассигнования на оборону выделялись невысокие, то, соответственно, на контрразведке приходилось тоже экономить. Нередки были случаи, когда жандармское руководство напоминало начальникам штабов военных округов о задолженности последних за контрразведку. "Ввиду встреченных на местах недоразумений при установлении по

требованиям чинов контрразведывательных отделений наблюдения, - гласит приказ министра внутренних дел по особому отделу начальникам ГЖУ и охранных отделений, - Департамент полиции считает необходимым разъяснить, что содействие отнюдь не должно отражаться на успешном выполнении обязанностей по политическому розыску и поэтому наружное наблюдение должно устанавливаться лишь в случаях экстренной необходимости, до прибытия на место чинов отделений и при том в местах постоянного квартирования филеров. Прибегать к иногородним командировкам филеров надлежит в особо важных случаях. Причем расходы на иногородние командировки должны покрываться контрразведывательными отделениями из ассигнуемых в их распоряжение сумм".⁵

Ради объективности следует отметить, что инициатива в борьбе со шпионажем не всегда исходила от военных. К 1908 г. активность японской разведки значительно возросла, что вызвало озабоченность у начальника Иркутского ГЖУ. В докладной, отправленной в Департамент полиции, он сообщает: "Если военное ведомство не приложит в ближайшем будущем усилий организовать военно-разведывательную агентуру, то представляется необходимость озаботиться таковой. Во вверенном мне районе при Иркутском и Владивостокском охранных отделениях осветить военно-разведывательную деятельность в виде ее специфичности не предоставляется возможным. В целях подготовки в будущем офицеров, заведовавших этой агентурой, командировать последних в распоряжение начальников охранных отделений, под руководством которых они могли бы ознакомиться с постановкой этого дела".⁶ Начальник ГЖУ выступил с предложением своими силами готовить из офицеров-разведчиков штаба Иркутского военного округа специалистов по оперативно-розыскной деятельности.

В Сибири к борьбе со шпионажем привлекались контрразведывательные отделения при штабах Иркутского и Приамурского военных округов, ГЖУ и охранные отделения, ЖПУ Забайкальской и Сибирской железных дорог, уездные начальники, уездные исправники и полицейские уездные управления, полицмейстеры, военные агенты, находящиеся в Китае, Японии и консульства в Мукдене, Гирине, Харбине, Цицикаре, Урге.

Так, сведения о проживании в пределах округа китайцев, японцев и корейцев доставлялись уездными начальниками, исправниками, полицейскими уездными управлениями и полицмейстерами. В штабе Иркутского военного округа регистрировались иностранцы и подозрительные лица, за которыми устанавливалось наблюдение. Сведения о проезжающих иностранцах доставлялись всеми вышеперечисленными учреждениями и лицами, а также военными агентами Главного управ-

ления Генерального штаба (ГУГШ) и штабами соседних округов. Получив эти данные, штаб округа направлял их в соседние округа и в соответствующие инстанции: охранные отделения и ЖПУ железных дорог.

Так, ЖПУ Забайкальской и Сибирской железных дорог, канцелярия генерал-губернатора, военные агенты, консульства, ГУГШ и штабы военных округов сообщали в контрразведывательное отделение (КРО) о проезде иностранных подданных, давая таким образом подготовиться к встрече и сопровождению лиц на случай необходимости. ЖПУ железных дорог, охранные отделения по указанию штаба округа устанавливали наблюдения за приезжающими и прибывающими иностранцами в важных случаях. Охранные отделения также доставляли письма подозрительных лиц для перлюстрации. Прочие учреждения сообщали сведения о проживающих на территории округа иностранцах и переменах, происходящих в их составе.⁷

Однако несмотря на столь разветвленный аппарат, задействованный для борьбы со шпионажем, существенных результатов в противостоянии японской разведке российским спецслужбам достичь не удалось. Так, на начало 1911 г. штабом Иркутского военного округа был зарегистрирован 31 подозреваемый в разведывательной деятельности. Среди них два русских, остальные - японцы.⁸

Анализ документов подводит к выводу, что работа контрразведки и других спецслужб, привлеченных в Сибири к борьбе с японской разведкой, сводилась к наблюдению и негласному надзору. Наблюдательным агентам контрразведки конкретно указывалось, что под видом бродяг, нищих, фокусников, шарманщиков, публичных женщин могут встретиться шпионы. Им вменялось в обязанность постоянно пребывать в местах скопления людей: столовых, чайных, вокзалах, обращать внимание на людей, старающихся быть вблизи скопления военных. Они строго следовали инструкциям и, несмотря на тяжелый, изнурительный труд добивались неплохих результатов. Благодаря хорошо организованной работе филеров контрразведки, охраны, жандармерии русские власти были неплохо осведомлены о роде деятельности подданных Страны восходящего солнца в регионе, легко устанавливали их связи и т. д. Расовое отличие японцев от русских и других народов, населявших Сибирь, давало хорошую возможность отслеживать их перемещение. По сути, любой японский гражданин, пересекающий границу империи, становился объектом наблюдения со стороны российских спецслужб и являлся таковым вплоть до возвращения на родину или выезда в другую страну. Например, не осталось незамеченным перемещение в мае-июне 1907 г. из Сибири в Европейскую Россию 38 японских и 26 китайских разведчиков.⁹

Бывали случаи, когда вызывавших подозрение иностранцев подвергали обыскам. К примеру, в апреле 1909 г. в Маньчжурии вызвали подозрение три японца, производившие с виадука съемку станции. На основании полученных данных жандармы произвели обыск на квартире у этих иностранцев. Однако ввиду того, что у них не оказалось шпионских атрибутов, оснований для ареста не было. Японцев взяли под негласный надзор и установили их конспиративные связи в Чите на квартирах фотографа и содержателя публичных домов.¹⁰

Несмотря на значительное число учреждений и лиц, привлекаемых к контрразведке, затраты времени и сил результаты борьбы со шпионажем были незначительны. По мнению начальника КРО при штабе Иркутского военного округа ротмистра Н.П. Попова причины низкой эффективности работы контрразведывательной службы крылись в формализме, бюрократической волоките, ограниченности финансовых средств, выделяемых отделению. Не имея возможности без помощи вышестоящего руководства решить проблему финансирования контрразведывательных мероприятий, ротмистр Н.П. Попов предлагал разбить территорию округа на районы, где учредить контрразведывательные пункты. Позже это предложение имело практическое воплощение.

Еще одним отрицательным моментом в деятельности русской контрразведки были большая протяженность коммуникаций и низкая плотность населения. Кадровые разведчики и агенты в одиночку и группами могли появляться в безлюдных местах возле интересующих их объектов и проводить беспрепятственно топографическую съемку или фотографирование. Вследствие малонаселенности региона сведения о противоправных действиях японцев до властей доходили с большим опозданием. Местные жители, заставшие иностранцев за фотографированием мостов, других объектов, топографической съемкой местности не имели права их задерживать, поскольку в случае, если иностранец не окажется шпионом, был возможен конфликт с этим государством. Российское правительство старалось избегать лишних инцидентов с зарубежными странами, и посему полиции и жандармерии зачастую ничего другого не оставалось, как регистрировать случаи шпионажа.

О предстоящих акциях японских спецслужб российская контрразведка и знать не могла. Вся проблема заключалась в том, что КРО, ГЖУ, ЖПУ и охранные отделения не имели секретной агентуры среди японцев, проживающих в регионе. Российские спецслужбы имели о них лишь незначительные сведения. Например, в 1912 г. штаб Иркутского военного округа был проинформирован о существовании японских обществ взаимопомощи в Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Нер-

чинске и Сретенске. Так как общества нигде не регистрировались, их деятельность для властей являлась тайной. Жандармерии было лишь известно, что во главе каждого общества стоял выборный представитель, а некоторые возглавляли представители японского правительства. Все вышеназванные общества подчинялись японскому консулу во Владивостоке. Организационные особенности обществ, краеугольным камнем которых являлись безусловное подчинение дисциплине и тщательная конспиративность, дали повод контрразведке, жандармерии и охранке подозревать их в работе на японское правительство.¹¹ Прямых свидетельств в шпионской деятельности у ГУГШ и штабов военных округов не было. По мнению военного губернатора Забайкальской области, начальника Читинского охранного отделения и других чинов мерами, могущими до некоторой степени облегчить военному ведомству борьбу со шпионажем со стороны обществ взаимопомощи, могла бы послужить правильная постановка внутренней секретной агентуры и надлежащая цензура японской корреспонденции. Читинская охранка попыталась внедрить в тайные японские общества свою агентуру, но успеха не имела. Учитывая, что секретных источников российские спецслужбы среди японцев не имеют, военный министр В.А. Сухолинов настаивал перед МВД о регистрации обществ, что давало некоторую возможность надзора за ними в целях воспрепятствования шпионской деятельности.

Российским спецслужбам заиметь секретную агентуру среди японских обществ было непросто. Серьезным препятствием в данном вопросе являлось расовое различие между японцами и народами, проживающими на территории империи, а также трудности в освоении японского языка. Чтобы внедрить в их среду своего агента из числа русских, не могло быть и речи. Для создания агентуры у контрразведки было два пути: вербовать японцев, корейцев или китайцев, проживающих на территории России, или перевербовать агентов разведки.

По некоторым данным российским спецслужбам все же удавалось внедрять своих агентов к японцам, но крайне редко. Отсутствие агентуры российских спецслужб среди японских обществ значительно затрудняло борьбу с их шпионской деятельностью. Аресты подозреваемых лиц не позволяли доводить дело до логического завершения - суда. Возбуждаемые уголовные дела прекращались из-за недостаточности улик, бывали случаи, когда японцев выпускали из тюрем.

Со временем командование военных округов пришло к выводу, что бороться с агентурой японской разведки лишь оперативно-следственными методами неэффективно, и предложило использовать административные меры. Так, 4 августа 1909 г. штабом Иркутского военного округа на имя начальника Генштаба была написана докладная, в

которой говорилось следующее: "...Чтобы оградить себя от шпионажа, которым занимаются все японцы, проживающие в наших пределах, необходимо поселить их вдали от азиатской границы, где нет важных стратегических объектов".¹² Военный министр в ответ приказал произвести классификацию районов с учетом военных, экономических, торговых и других интересов страны.

Предпринятые административные меры в определенной степени мешали японским кадровым разведчикам и агентам вести наблюдение за стратегически важными объектами, однако в целом не влияли на выявление иностранных шпионов.

С 1911 г. контрразведывательное отделение при штабе Иркутского военного округа, губернские жандармские управления, жандармские полицейские управления железных дорог и охранные отделения региона, как следует из архивных документов, стали реже фиксировать появление японских разведчиков и агентов на территории империи. Этот факт был связан с подписанными русско-японским соглашением (4 июля 1910 г.) и русско-японской конвенцией (1912 г.).

В октябре - ноябре 1909 г. между Россией и Японией начались переговоры о согласовании действий по охране своих интересов в Маньчжурии. Переговоры проходили в Токио и Петербурге и завершились подписанием соглашения, которое отразило взаимопонимание между двумя странами перед лицом угрозы в Маньчжурии со стороны США. Наряду с подтверждением обязательств по поддержанию статус-кво в Маньчжурии Япония и Россия договорились о согласовании позиций и мер в случае возникновения угрозы сложившемуся положению в этом районе Китая. Секретная часть подтверждала соглашение 1907 г., где были установлены сферы влияния Японии и России в Маньчжурии, содержала обязательство сторон "не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах", взаимную свободу действий для ограждения, защиты и дальнейшего укрепления своих интересов, воздержание от всякой политической активности в сфере специальных интересов друг друга.¹³

За соглашением 1910 г. последовали урегулирование ряда практических вопросов русско-японских экономических отношений и переговоры о новом разграничении империалистических интересов в Монголии и Маньчжурии, о дальнейшей консолидации позиций сторон в связи с возобновлением попыток США изгнать Россию и Японию из Маньчжурии, на этот раз с помощью международного банковского консорциума. В июле 1912 г. в Петербурге в развитие соглашений 1907 г. и 1910 г. была подписана новая секретная русско-японская конвенция, согласно которой Западная Маньчжурия и Внутренняя Монголия были разграничены на русскую и японскую сферы влияния.¹⁴

Общность интересов в регионе отразилась на взаимоотношениях обеих стран, повлияла на ход борьбы между российской и японской спецслужбами. Опасаясь того, что активный шпионаж может повлиять на взаимоотношения с Россией, Япония хотя и не отказалась от ведения разведки в Сибири, но вела ее более осторожно.

Это отнюдь не давало повода военной контрразведке ослаблять внимание к противнику. Скорее, наоборот, за проживающими в регионе иностранцами, в особенности японцами, российские спецслужбы должны были усилить надзор. Однако из-за того, что с сентября 1911 г. борьбу со шпионажем вели лишь КРО при штабе Иркутского военного округа и ряд контрразведывательных пунктов, ожидать конкретных и весомых результатов было сложно. Иногда поимка японских агентов являлась делом случая.

14 июня 1913 г. младший наблюдательный агент иркутского КРО Усовец зафиксировал, как солдат местного полка во время рукопожатия с японцем передал ему белый клочок бумаги. Позже контрразведкой было установлено имя солдата. Им оказался ефрейтор 26-го Сибирского полка Т. Кацан, служивший вестовым у командующего Иркутским военным округом.

В июле ротмистром Н.П. Поповым были получены сведения от заграничной агентуры, что в Харбине имеется доклад о поездке командующего Иркутского военного округа в Маньчжурию, составленный бывшим секретарем владивостокского японского консульства Хирото Минорой. Материалом для доклада послужили сведения, полученные от служащего у командующего. Фамилии японского агента установить не удалось.

В ходе наблюдения выяснилось, что Кацан 20 июня заходил в прачечную "Сирази", где по имевшимся сведениям проживал Хирото Мимори. 8 сентября Кацан был задержан в прачечной. У него обнаружили записку, в которой содержались сведения о местонахождении разведотделения штаба округа и фамилии офицеров. 18 марта 1914 г. иркутский военный окружной суд приговорил Кацана к 4 годам каторжных работ.¹⁵

В других случаях поимка агентов иностранных разведок являлась результатом длительного наблюдения за подданными других стран. К примеру, 30 сентября 1913 г. ротмистром Н.П. Поповым на ст. Иркутск был задержан китайский подданный Сунь Лу, подозреваемый в военном шпионаже. Вместе с ним ехал японец Миамура, проживавший в Иркутске, которого чины КРО тоже подозревали в шпионаже. При задержании и допросе оказалось, что Миамура-Ямасита-Катта - шпион, служивший в разведотделении в Чанчуне. В 1911 г. он имел знакомства с чинами военного ведомства. Контрразведчики выявили

его связи с лицами, подозреваемыми в шпионаже, а также с японским консулом в Москве. Из Иркутска он ехал в Чанчунь для личного доклада. Прямых улик к привлечению Миамуры к уголовной ответственности за шпионаж у контрразведки не было, поэтому его содержали в тюрьме на предмет привлечения к ответственности за проживание по чужому паспорту

В преддверии первой мировой войны большое влияние на ход борьбы со шпионажем оказала внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Активность спецслужб была адекватна политике тех государств, которые боролись за раздел региона на сферы влияния. Одним из таких претендентов являлась Германия.

Оценивать деятельность русских контрразведывательных служб между русско-японской и первой мировой войнами очень сложно. Совершенно невозможно установить, сколько действовало в тот период иностранных разведчиков в регионе и какие сведения они передали своим правительствам о России и ее вооруженных силах. Но совершенно точно можно сказать, что русским спецслужбам не удалось раскрыть глубоко законспирированные шпионские сети германской и японской разведок, которые активизировали свою деятельность в годы первой мировой и гражданской войн.

Основная причина недоработок контрразведывательных служб, действовавших в Сибири, заключается в том, что борьба со шпионажем в России не была введена в ранг государственной политики, а поэтому в стране отсутствовала целостная система безопасности, самодержавие не выделяло нужного количества финансовых средств на нужды контрразведки. Первая российская революция 1905 - 1907 гг. также отрывала значительную часть сил и средств охранных отделений и губернских жандармских управлений на подавление революционного движения. Для оперативного обслуживания огромной территории с растянувшимися на тысячи километров коммуникациями разрозненных, нескоординированных усилий спецслужб было явно недостаточно. Просчеты в строительстве контрразведывательных органов компенсировались системой подбора и подготовки кадров в Отдельном корпусе жандармов, охранных отделениях и КРО, воспитавших немало "верных слуг" Российского государства, которые самоотверженно боролись с противником и нанесли ему немалый урон, устанавливая иностранных шпионов и препятствуя им вести сбор секретных данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 316, ДП, 1908, ед. хр. 142, л. 31.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1468, оп. 2 доп., ед. хр. 700, л. 145-147.
3. Там же, ф. 1450, оп. 7, ед. хр. 58, л. 121.
4. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, ед. хр. 83, л. 33 - 33 об.
5. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 305, оп. 1, ед. хр. 12, л. 164.
6. ГАРФ, ф. 102, оп. 316, ДП, 1908, ед. хр. 142, л. 31-31 об.
7. РГВИА, ф. 1468с, оп. 2 доп., ед. хр. 627, л. 249.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 600, оп. 1, л. 34 об - 35.
9. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, ед. хр. 82, л. 79.
10. Там же, ф. 1468, оп. 2 доп., ед. хр. 627, л. 249 об.
11. ГАЧО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 24, л. 50.
12. РГВИА, ф. 1468, оп. 2 доп., ед. хр. 628, л. 133 - 133 об.
13. Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. — С конца XVI в. до 1917 г. - М., 1973. - С. 259.
14. Там же.
15. ГАИО, ф. 600, оп. 1, ед. хр. 1267, л. 33.
16. Там же, ед. хр. 684, л. 31-31об.

**Н.В. Гордеев,
В.И. Бугреев,
Н.Н. Жданова**

ЗЕМЛИ ДАЛЬНИЕ, РОССИЙСКИЕ...

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту крейсера "Миссури" странами-победительницами была принята, а представителями японского императора подписана безоговорочная капитуляция милитаристской Японии. День 3 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 2 сентября 1945 г.) объявлен всенародным праздником победы над самым агрессивным государством на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Бугреев Владимир Иванович - генерал-лейтенант, начальник управления военной контрразведки ФСБ РФ по ДВО.

Жданова Наталья Николаевна - член совета областного отделения Общества российско-китайской дружбы, директор гимназии №4 г. Читы.